

Хижняк І.А.*

ПРЕЛЮДИЯ СЛАВЫ – СИСТЕМНАЯ РАПСОДИЯ ПРОВИДЕНИЯ НА ТЕМУ «НЕЗАВИСИМОСТЬ США»

В цій статті розглядаються основні засоби та методи вивчення історичних процесів. Досліджується таке явище, як каскадний ефект, також співставляються основні елементи міжнародних систем.

Ключові слова: система міжнародних відносин, каскадний ефект, історичні процеси, баланс сил.

В данной статье рассматриваются основные средства и методы изучения исторических процессов. Исследуется такое явление, как каскадный эффект, также сопоставляются основные элементы международных систем.

Ключевые слова: система международных отношений, каскадный эффект, исторические процессы, баланс сил.

In this article fixed assets and methods of studying of historical processes are considered. Such phenomenon as cascade effect, basic elements of the international systems also are compared.

Key words: system of the international relations, cascade effect, historical processes, balance of forces.

Системний підхід к познанию истории предполагает применение довольно широкого арсенала средств. Среди них особое место занимает использование **каскадного эффекта**, который подразумевает **результат строго обозначенного воздействия на объект по определенным направлениям и различным уровням**. А чтобы выяснить этот результат и выявить действительную достоверность происходящих исторических событий необходимо сопоставить их с **основными элементами международных систем, которые представлены социальными общностями, группами и отдельными индивидами**. Последние имеют **широкий спектр проявлений в материальных системах многовариантности и альтернативного развития**. И одной из таких оценок **направлений является учет специфики его проявлений в контексте исторического развития**. А историческое время, как известно, обладает еще одной чрезвычайно важной особенностью: календарное время далеко не всегда совпадает с логикой периодизации исторического процесса. В этом смысле особый интерес представляет пример летоисчисления XX столетия, которое является весьма показательным по части несовпадения века времени исторического со временем века календарного. Оно, по мнению многих философов, историков и политологов, закончилось еще в 1914 г. – т. е. в год начала Первой мировой войны; или его начало, исходя из тех же критериев, относится к 1989 г. – времени падения Берлинской стены. Уже не говоря о том факте, что в свое время личный нотариус императора Священной Римской империи до сих пор неизвестной причине в документе 700 года исправил дату на 1000 год, перепрыгнув тем самым через целых три столетия.

* доктор исторических наук, профессор, доктор политических наук, профессор политологии

Кроме того, известный французский ученый-физиократ Тюрго в отношении проблемы колониальных владений дал свою несколько иную оценку **исторической специфики** этого феномена, отнеся его не столько к хронологическому, а сколько к метафорическому разряду: «Колонии подобно фруктам висят на дереве, пока не созреют, и затем падают от собственной тяжести или от внешнего толчка».

Вот почему последняя четверть XVIII в. не стала исключением из общего правила и выступила в качестве, хотя и **системно** несколько преждевременной, но все же своеобразной хронологической прелюдии. Впоследствии она даже утвердилась в роли определенного исторического диссонанса. И все же этот фактологический артефакт (искусственно созданный) стал прообразом уже иной эпохи, а также **фундаментом грядущих перемен в сфере международных отношений, произошедших в дальнейшем, уже на протяжении как XIX, так и последующих столетий и приведших к образованию целого ряда новых систем международных отношений.**

Начнем с того, что **война за независимость американских колоний** может быть отнесена не только как к исторически этапным, но, и прежде всего, как к **системно-многоуровневым явлениям**. Ведь со всей очевидностью этот феномен следует рассматривать как **первый структурный сбой в мировой системе колониализма, который в сфере межгосударственных отношений может оцениваться как качественно иная веха, поскольку она с одной стороны знаменовала собой появление первого самостоятельного государства по ту сторону Атлантики, а другой – ясно указала на перспективу преодоления европоцентризма как единственно потенциально приоритетной тенденции в развитии мировых международных отношений.**

С точки зрения системного анализа каскадный эффект войны за независимость британских колоний в Северной Америке **проявился прежде всего в виде воздействия на внешнюю среду – совокупности общественных отношений в структуре британского общества, которые оно пыталось транспонировать на свои заморские американские колонии. А отсюда соответственно и возникла логическая связь со внутренней средой экономических отношений (контекста), которая в этих конкретных исторических условиях проявилась в характере функционирования экономических отношений (особенностях производства, присвоения и обмена товаров).**

Стало быть, **каскадный эффект** конкретно нашел свое **специфическое историческое отражение в действии Парижского мирного договора 1763 г.**, согласно которому восточная часть французской Луизианы была присоединена к владениям британской колониальной империи. Восторг колонистов не знал пределов: возможности от бесконтрольного освоения природных богатств этого громадного региона просто захватывали дух. В этом смысле особая роль отводилась добыче рыбы, заготовления древесины и особенно промыслу пушнины. Реакция Лондона была незамедлительной – запрет переселения и использования богатств новых угодий. Причины озабоченности правительства на берегах Темзы просматривались достаточно прозрачно: с точки зрения несущего элемента конструкции правящего режима того времени там не могли игнорировать факт значительного урона, нанесенного королевской казне после Семилетней войны. Кроме того, с точки зрения негативной реакции аборигенов на возможные бесконтрольные действия колонистов двор короля Георга III не мог позволить себе такую роскошь как использовать жесткую схему во взаимоотношениях с индейскими племенами, численность которых была на несколько порядков выше, чем общее количество колонистов, прибывших из Европы. Вот почему британский истеблишмент решил принести в жертву свои амбиции в пользу сохранения незыблемости ресурса своего влияния, дабы избежать возможных волнений среди индейских племен.

Но колонисты, даже не отдавая себе отчет в том, что история движима частностями, действовали, руководствуясь сугубо своими чаяниями и попытались конвертировать свой общетональный интерес к наживе в приобретение капитала свободы своих действий в виде демонстративного игнорирования запретительных мер британского правительства. Ситуация усугублялась фактом совместно пролитой крови в войне за свои законные права.

К тому же **центробежные силы, внесшие свою лепту в дезинтеграцию привычного развития исторических процессов** в тот период, еще более усугубили противоречия на поле разногласий между правительством метрополии и добивающимися своих прав переселенцев. В центре этих центробежных сил лежал дух Просвещения, который колонисты считали своим естественным и неотъемлемым достоянием. Понимание специфики взаимоотношений в рамках указанной модели в наиболее продуктивном формате возможно только при условии использования системно-политического анализа, где политическая система рассматривается в нем как определенная совокупность отношений, находящихся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов». На «входах» система получает извне импульсы – сигналы, ресурсы; встречается с вызовами, представляющими угрозу её целостности. И подразделение их происходит на две категории:

1. «требования», связанные с безопасностью, индивидуальной свободой и равенством, участием, потребительскими благами и т. п.;

2. «поддержки», удовлетворять некоторые «требования» и регулировать вызываемые ими конфликты. Источником «требований» являются с одной стороны, такие части внутрисоциетальной среды как экологические, личностные и другие социальные системы. С другой стороны, компоненты экстрасоциетальной среды: международно-политические, международно-экологические и международно-социальные системы [1].

Теперь становится понятной и адекватно обоснованной сущность петиций и протестов, которые колонисты направляли в адрес ключевых несущих конструкций политической власти в Лондоне. В конденсированной форме они сводились к следующему: с одной стороны – готовность платить налоги, пошлины и другие государственные сборы, исполнять свои обязанности перед государством наравне с остальными подданными короля, но с другой – неременное их условие – соблюдение имеющихся прав, а также участие в процессе законотворчества. Однако, проблема заключалась в полном отсутствии их представительства в британском парламенте, а главное, в практическом игнорировании их требований и интересов, что автоматически переводило переселенцев в статус политических изгоев.

Первые вооруженные столкновения между отрядами повстанцев и колониальными войсками начались 19 апреля 1775 г. в окрестностях городов Лексингтон и Конкорд. Это происходило на фоне работы Континентального конгресса в городе Филадельфия, в котором принимали участие представители тринадцати колоний. Этот форум из представительского собрания общественного мнения перешел в статус штаба восстания колоний против всемогущества британских монополий. Напряженность нарастала в прямой пропорции с возрастающим нежеланием истеблишмента на берегах туманного Альбиона идти хотя бы на малейшие уступки категорическим требованиям колонистов.

Возникшая, таким образом, непримиримая конфронтация трансформировалась в мощные потоки системной реакции, которые стали поступать на «входах» из глобальной окружающей среды и соответственно перерабатываться внутри политической системы. Это произошло вследствие определенного рода реагирования всех

составных элементов существующей в тот исторический период **системы**. А это, в конечном итоге, **вызвало конкретную совокупную ответную реакцию, которая явилась адаптацией данной системы к среде**. **«На выходах» эта реакция облеклась в форму конкретных политических действий** в виде принятия 4 июля 1776 г. Континентальным конгрессом декларации независимости США¹.

Это стало своеобразным «бунтом внутри пуританской традиции» и вызовом законопослушных подданных, привыкших беспрекословно идти в русле установленного божественного порядка. Считалось также тяжким грехом нарушать права вассалов перед своими сеньорами, а также выступать против строгого следования нормам религиозной морали. По сути дела, понятие «независимость» из своего бывшего еретического смысла получила новое, далеко не «вольнодумное» толкование.

А «старая и добрая» Англия по-прежнему продолжала хранить гордую и незыблемую неприступность, переходящую в непоколебимую жесткость в отношении восставших колоний. Здесь «первую скрипку» играл король Георг III, который и слушать не хотел о какой-либо переориентации политической конфигурации отношений Великобритании со своими северо-американскими владениями. Стилистика его власти включала в себя безоговорочную автократию (власть одного), помноженную на практику принятия политических решений вопреки позиции большинства («эм-пииз»-членов парламента) в институте законодательной власти. И когда стало ясным, что достижение «статус-кво» стало невозможным по определению и конституционный конфликт перешел на иной качественный уровень – войну за независимость, то в тот момент уже **системная реакция «выхода» обрела облик начала нового цикла взаимодействий системы с окружающей средой и стала способствовать вполне конкретным изменениям в последней, которые стали порождать новые «требования» и «поддержки»**. Следовательно, **системная оценка уже иной политической структуры уже стала проходить в динамике становления других «требований» и «поддержек» и функционировать в постоянном взаимодействии с окружающей средой и непрерывно «сверять» свои «ответы» с состоянием и реакцией своих элементов**. А это означало, что колонисты уже на конституционном уровне отрекались от своей принадлежности к метрополии и единственным выходом, чтобы узаконить это отречение, стала война, продолжавшаяся вплоть до 1783 г., и по существу ставшая истинной «прелюдией славы» для будущего лидера мирового развития.

В этом контексте особого внимания заслуживала позиция, прежде всего Франции, а главное, **модель её внешней политики** по отношению к свободолюбивым колонистам. В её основе лежала инерционность восприятия собственного положения после поражения в Семилетней войне – желание вернуть отобранные англичанами колонии, а главное восстановить **«баланс»** между европейскими державами, нарушенный победами туманного Альбиона. Поэтому, желая избежать преждевременного «бартера обвинений», в Париже с 1763 г. стали исподволь стараться осуществлять реформы сухопутных сил и флота с целью проведения комплексной подготовки к войне. Хотя «недремлющее око» на берегах Темзы в тот период предпочитало хранить величественное молчание и старалось, как бы не замечать подобных «мелочей».

А французская монархия тем временем стала играть, что называется, «ва-банк». В нарушение принципа **«баланса сил» в династических взаимоотношениях между ев-**

---

¹ В литературе, посвященной международным отношениям, этот неординарный акт рассматривается как исторический прецедент близкий по хронологии с низложением испанского короля Филиппа II семью мятежными провинциями Северных Нидерландов в 1581 г.

ропейськими державами Франція приступила к укріпленню своїх союзних зв'язей с Австрією (жонатба Людовика XIV на Марії-Антуанетте – дотери Марії Терезії) и Іспанією (підтримка її протів Англії в фолклендському конфлікті в 70-е годї) во ісполнение Семейного или Фамільного акта, заклоченного между французськими и іспанськими Бурбонами (включая пармську и неаполітанську ветви іспанських Бурбонов)².

Екстравагантність французського «дефіле» на поле міжнародних відносин оснотувалась на гіпертрофированном політичному меркантилізмі, котрий во главу угла поставил удовлетворение своего **династического (государственного) интереса**.

Одним из наиболее красноречивых примеров изощренного придворного изящества французского политика в тот период может служить его умелая инструментализация в затяннутую политическую игру публичных проминентов. Даже тогда их имена служили в качестве своеобразной визитной карточки уже состоявшейся національной гордости, прошедшей как придирчивую оценку общественного мнения времен Людовика XVI, так и вошедших в скрижали истории в качестве шедевров, в виде непреходящих ценностей, творенья их «человеческого гения». И таким маэстро «вербализации» драматургического слова и утонченной «креативности» на поле мастерства осуществления деликатных секретных миссий стал всемирно известный мастер «театрального» пера, автор «Севильского цирюльника или жонатба Фигаро», Бомарше. Дело в том, что после начала войны за независимость США французское правительство поручило столь необычный и окруженный тайной «политический меседж» именно известному драматургу. А он, в целях конспирации, учредил фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и К». При содействии Бомарше Сайлас Дин – тайный агент Комитета для секретной корреспонденции Континентального конгресса³ организовал отправку в Америку волонтеров-офицеров и оружия из французских арсеналов. Будучи искренним другом восставших колоний, Бомарше с нескрываемым энтузиазмом был уверен в правоте своего дела. Он с убежденной энергией, неременной завершенности своей миссии писал Конгрессу: «Ваши депутаты, джентльмены, найдут во мне верного друга, в моем доме – надежное убежище, в моих сундуках – деньги, а также полное содействие для реализации своих заданий, будут ли они официального или секретного свойства».

Когда Дин объявился в Париже и связался с Бомарше, тот посвятил американца во все дела, правда, не открыв самого главного: что он, Бомарше, является тайным, неофициальным агентом французского правительства. И, как потом выяснилось, именно эта предосторожность оказалась весьма неизлишней. Ибо Дин во всех подробностях проинформировал обо всем своего соотечественника Эдварда Банкрофта, секретного агента конгресса во Франции и по совместительству тайного осведомителя королевского двора Великобритании.

А тем временем помощь, полученная восставшими колониями при содействии Бомарше и Сайласа Дина, оказалась весьма значительной. Действуя от имени релевантной (относящейся к ним) фирмы «Родригес Горталес и К» Сайлас Дин добыл одежду для 20 тыс. человек, 30 тыс. мушкетов, 100 тонн пороха, 200 пушек. Фирма «Родригес Горталес и К» просуществовала с 1776 по 1783 г. и за этот период израсходовала сумму, прев-

² Согласно секретной конвенции, подписанной: параллельно с договором против Великобритании во время Семилетней войны 15 августа 1761 г. Франция передавала Испании захваченный у англичан остров Менорку, а Испания обязывалась объявить войну Великобритании. Договор действовал до 1789 г.

³ Комитет для секретной корреспонденции был учрежден 29 ноября 1775 г. и как орган соответствовал министерству иностранных дел. Он просуществовал до апреля 1777 г. и был заменен Комитетом по иностранным делам. С 1781 г. был учрежден Департамент иностранных дел.

ышающую 21 млн. ливров. В настоящее время трудно определить из какого конкретного источника она была получена: ведь в числе «доноров» была Франция, а также американский Конгресс, который имел свои источники реализации товаров. Кроме того, Дин получил в тот период еще и «грант» от правительства Испании размером в 300 тыс. долларов [2, с. 344 – 346].

Между тем, правительство короля Георга III, будучи информированным о степени европейской поддержки заокеанских бунтовщиков и владея соответственным инструментом чисел, отказалось от изображения имитации «слепоты» и решительно приступило к рекультивации (возврат к применению) своей прославленной морской мощи – захвату кораблей, зафрахтованных фирмой «Родригес Горталес и К».

В 1778г. в Париже признали независимость американских колоний, что повлекло за собой разрыв отношений с Лондоном и их дальнейший переход к открытой войне. Прагматизм французских политиков нашел понимание в среде неудачливых соперников Англии – Испании и Голландии, создавших союз побежденных. А это, в свою очередь, привело к изменению ситуации на морях.

Страны континентальной Европы, пожелавшие сменить «парад межгосударственных политкорректностей» на «романтику прицельного выстрела» и выступившие против еще большего усиления Британии не только не оказали ей помощи, но и внесли существенную лепту в победу колонистов, создав в 1780г. т. н. Лигу нейтральных. Более того, если в предыдущих войнах Великобритании все-таки всегда удавалось добиться запрета торговли нейтральных стран со своими противниками, то партисипанты (участники) Лиги нейтральных – Россия, Австрия, Пруссия, Швеция, Дания, Португалия, Голландия и королевство обеих Сицилий – провозгласили принцип свободы мореплавания и «вооруженного нейтралитета». Иными словами, они заявили о своей готовности защищать свою торговлю силой оружия. Более того, вооруженные суда американцев (каперы) устроили открытую охоту за британскими и нейтральными торговыми кораблями, которые перевозили гражданские грузы из порта в порт Европы. Поэтому такой тип политики как «вооруженный нейтралитет» не может быть отнесенным к категории проамериканского. Его должно рассматривать как таковой, в котором статус диктует меру, а именно – меру защиты собственных **государственных**, торговых или иных **интересов**. Подобная артикуляция своих политических предпочтений участников Лиги нейтральных, вынудила Великобританию сделать свои порты открытыми для судов, курсирующих под нейтральным флагом.

Исходным моментом **действия приоритетного уровня каскадного эффекта** в рамках **системного подхода** следует рассматривать подписание 3 сентября 1783 г. в Версале мирного договора между Великобританией, с одной стороны, и США, Францией, Испанией и Голландией, с другой. В нем были объединены прелиминарные (предварительные) договоры, подписанные Великобританией и США и их союзниками ранее. По мирному договору со США, подписанного ранее 30 ноября 1782 г., Великобритания признавала свои бывшие колонии суверенными и независимым государством. Она обязывалась вывести свои войска, гарнизоны и корабли с территории США. По прелиминарному мирному договору с Францией и Испанией 20 января 1783 г. Великобритания уступала Франции остров Тобаго в Вест-Индии и возвращала Сенегал в Африке, а Испания вернула остров Менорку в Средиземное море. В Индии Франция и Великобритания вернули друг другу все территории, захваченные во время войны. По прелиминарному мирному договору с Нидерландами 2 сентября 1783 г. Великобритания получала Негапаттам, голландскую факторию в Индии.

Подводя итоги **системного анализа** итогов войны за независимость США, а также значения Версальского мирного договора очевидным явилось то, что **граница между внешней и внутренней средой, с одной стороны, между системой и средой – с другой, отнюдь не является непроходимой. А это значило, что корридор системных возможностей в связи с образованием США хоть и сохранил на некоторое время «баланс сил» в Европе, все же поставил Версальский мир 1783 г. в разряд скорее центробежных, нежели центростремительных тенденций по отношению к функционированию всего Вестфальского порядка в целом** [3, с. 40-41]. Это, собственно, и стало финальной частью «системной рапсодии на тему «независимость США», что выгодно отличало её от других исторических катаклизмов, происходящих в рассмотренный хронологический период.

Список використаних джерел

1. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – N. Y.: Random House, 1965.
2. История дипломатии. – М.: АСТ, 2005. – С. 344 – 346.
3. Хижняк И.А. Системы международных отношений в истории Нового времени. – К.: Освіта України, 2011. – С. 40 – 41.